

История шляпы

Михаил Боярский о времени и о себе

КРУПНЫЙ ПЛАН

С актером Михаилом Боярским мы встретились на одном из кинофестивалей. После концерта расположились в его гостиничном номере, куда Михаил Сергеевич заказал большой чайник с крепким чаем. Из него и пил чашка за чашкой, пока шла наша неторопливая и очень искренняя беседа.

Олег Шапуваленко
Журналист

Боярский не знает, что такое плохая физическая форма. Он может есть, может не есть – все равно весит 73 килограмма

– Отчего вы всегда ходите в черном?
– задал я первый вопрос, вспомнив фразу из чеховской «Чайки».
– Разумеется, это не траур по моей загубленной жизни, – легко подхватил интонацию Михаил Сергеевич. – Этот стиль одежды сложился сам собой. В то время, когда я только начал облекаться в черную одежду и шляпу, слова «имидж» еще никто не знал. Да и вообще во времена моей молодости редко кто мог похвастаться разнообразным гардеробом. Помню, был такой анекдот: «Как ты меня узнал через столько лет?» – «По пальто». Так вот, этот анекдот про меня. Я проучился в институте, в общем-то, в одном свитере и джинсах. И только на съемках фильма «Мама» я на суточные купил себе в Румынии черный пиджак, черные брюки и черную водолазку – ее, кстати, еще надо было «достать». В моем гардеробе это были единственные приличные вещи. Вот в них я и появлялся на экранах и концертах. А потом это стало не то что традицией, а моей актерской униформой, что ли.

– Сознаетесь, вы шляпу когда-нибудь снимаете?

– На эстраде не снимаю никогда. А в жизни я ее не так уж часто надеваю. Когда хочу, чтобы меня не узнали, влезая во что-нибудь светлое, а сверху нахлобучиваю джинсовую кепку. Но все равно узнают.

– Вас сильно «достает» ваша популярность?

– Да нет, у меня выросла толстая кожа, я научился с этим жить. Я ведь практически не бываю на людях. Из парадного – в машину, из машины – бегом до служебного подъезда. Поэтому у меня нет дубленки, шубы, я редко надеваю пальто. Мест, где меня можно «достать», совсем немного – это аэропорты, вокзалы. Но я туда прибегая в последние минуты... Основное мое время съедает дорога. Единственное место, где я могу отдохнуть, то есть получить удовольствие, – это сцена театра, но там я работаю практически бесплатно.

– У вас бывают приступы острого недовольства собой?

– Часто.

– И как это выглядит?

– Я впадаю в бесплодную и неразрешимую рефлексия. Беда в том, что моя актерская профессия связана с партнерами, один я собой ничего не представляю. Я не могу написать песню, не могу сочинить сценарий, пьесу, я не умею рисовать, не могу поставить фильм или спектакль. Я всего лишь исполнитель, и это меня бесит.

ДОСЬЕ

Михаил Боярский родился 26 декабря 1949 года в Ленинграде в семье артистов. Родители не хотели, чтобы он пошел по их стопам. Однако после окончания школы Михаил решил поступать в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. В 1972 году Боярский попал на прослушивание к режиссеру Театра имени Ленсовета Игорю Владимирову и был принят в труппу. Звездный час актера в кинематографе настал в 1978 году, с выходом на экраны страны картины Г. Юнгвальд-Хилькевича «Д'Артаньян и три мушкетера».

С 1986 года и поныне Михаил Боярский является худруком и директором созданного им театра «Бенефис».

– Меня, молодого жеребца, выпустили из загона, я помчался, а куда, зачем – не знаю. Это был восторг от жизни, от театра, от кино.

ФОТО ГЕННАДИЯ УСОВЕВА

Еще меня раздражает падение профессионализма во всех видах и жанрах творчества. То, чему меня учили в институте, то, чему я сам учился на спектаклях Евстигнеева, Ефремова, Миронова, Даля, Луспекаева, Товстоногова, – все это сегодня никому не нужно. Требования в кино, в театре, на эстраде крайне низкие. Наверное, на этом уровне и я мог бы сделать проект телепередачи, написать песню или пьесу, но мне это неинтересно. Хочется настоящей, серьезной работы, а один я ее сделать не могу. Искать же единомышленников, связываться с коллективом в мои планы не входит. Какой-то замкнутый круг получается.

– Что вы читаете?

– Все подряд, но в основном мемуары, книги по истории. Когда читаю хорошую художественную литературу, то как бы погружаюсь в действие, проигрываю его про себя. И с горечью обнаруживаю, что мои представления о том, как сыграть

ту или иную роль, сегодня выше, чем мои способности воплотить это. То есть я знаю, как, условно говоря, взять высоту в 3 метра, но сам прыгнуть на 3 метра уже не могу. И это выводит меня из себя.

– А в юности могли прыгнуть на 3 метра?

– В юности я не думал ни о чем таком. Меня, молодого жеребца, выпустили из загона, я помчался, а куда, зачем – не знаю. Это был восторг от жизни, от театра, от кино, от самого бега, пусть порой и по кругу. Серьезные мысли об уникальной и очень трудной, ответственной профессии артиста пришли много позже.

– Знаю, вы горите идеей снять продолжение «Трех мушкетеров», досочинить историю их жизни и смерти... Вас не смущает, что д'Артаньян и его товарищи, которых мы видели молодыми, красивыми, теперь предстанут на экране изрядно, скажем так, потертыми, потускневшими?

– Я не женщина, мне трудно судить, насколько мы трочены молью и жизнью. Для меня Бельмондо как актер и мужчина гораздо интереснее именно с возрастом.

Равно как и Жан Габен, Марлон Брандо, Аль Пачино... Мужские поступки можно совершать в любом возрасте – и в 16, и в 65.

– Мушкетеры, кроме того, что они были героями, были еще известными повесами, ловеласами, бражниками. Поэтому и я позволю себе перейти к более легкомысленным вопросам. Например, к такому: говорят, ваша первая фраза на сцене была...

– ...«Ишь, нахлестался».

– Вот именно. Вам не кажется, что она сыграла пророческую роль в вашей судьбе?

– Это вы насчет возлияний? Ну что ж, я действительно провел жизнь в этом смысле довольно бурно. Скажу больше: я старался никогда не пропускать вместе со своими друзьями это увлекательное, чисто русское занятие.

– Сегодня вы тоже позволяете себе расслабляться таким образом?

– А как же. Я пил, пью и буду пить. Конечно, сегодня я делаю это не так часто, как мне хотелось бы. Последний раз это случилось 25 января, в день рождения Высоцкого. Мы помянули Владимира Семеновича, застолье было серьезным, мужским.

– Ваша жена с пониманием относится к вашим «выплескам»?

– Я умею оберегать ее от крайностей своей натуры. Если бы это было по-другому, она бы давно ушла от меня. Я не крушу мебель, никого не бью, не бегаю с топором по квартире. Мои выпивки случаются в компании друзей, часто в другом городе и на семью не оказывают такого разрушительного воздействия, как можно предположить. Если это происходит дома, тут вступают в действие некие сдерживающие начала. Я не сумасшедший, нет.

– Я знаю, что у вас домостроевские взгляды на роль женщины в семье. Она должна быть дома, при хозяйстве. Между тем ваша супруга Лариса Луппиан – известная театральная актриса. Как вы с этим миритесь?

– Когда я говорю о домострое, то в первую голову имею в виду роль мужчины в семье. А мужчина должен работать и зарабатывать – это его прямая обязанность. Если я, родившись в достаточно бедной актерской семье, где родители получали по 150 рублей, смог создать для своих домочадцев условия, когда они живут в хорошей квартире, имеют возможность путешествовать по миру, ходить на самые престижные премьеры, – то я вправе требовать от них, чтобы они относились ко мне с должным уважением. Вот и весь мой «домострой». Более ничем свободу жены и детей я не ограничиваю.

Я ведь экономически выгодный муж: чем больше работаю, тем мобильнее становлюсь, тем проще мне на сцене. Шесть концертов в день – да с легкостью! Заболевать я начинаю, когда кончается работа. Когда шумит поезд и ты в нем едешь, то ни черта ведь не слышишь. Вдруг поезд остановился, оказывается, поют птицы, шумит ветер. Так и тут. Три дня не поработал, обнаруживается, что у тебя есть насморк, панкреатит, диабет... Посмотришь на язык – он желтый. Глаза – мутные. Когда слезаешь с лошади, очень болят ноги. Чтобы они не болели, нужно снова сесть на лошадь...

Когда я только начал облекаться в черную одежду и шляпу, слова «имидж» еще никто не знал